

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Р.С. Гринберг, А.В. Бузгалин

СТАРАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ИСЧЕРПАНА. КУДА ДВИЖЕТСЯ МИР?*

Гринберг Руслан Семенович – член-корреспондент РАН,
директор Института экономики РАН.

Бузгалин Александр Владимирович – доктор экономических наук,
профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.

Последний год стал свидетельством существенных изменений в мировой социально-экономической и общественно-политической системе. Проходившая под знаком господства института и ценностей неолиберальной глобализации и «рыночного фундаментализма» эпоха 1990-х и 2000-х заканчивается. Мир стал беспрецедентно нестабилен и непредсказуем. Набор угроз и их интенсивность растут с поражающей воображение скоростью. 100-летие начала Первой мировой войны человечество встретило в страхе перед новой пандемией насилия и в условиях нарастания внутриевропейских, а не только так называемых «межцивилизационных» конфликтов.

На мировую арену вышли новые претенденты на лидерство. Становление Китая и других стран БРИКС в качестве самостоятельных субъектов с масштабами экономики, сравнимыми с традиционными глобальными игроками, превращение исламских политико-экономических и идеологических институтов в значимый фактор мирового бытия, первые шаги России на мировой арене, показавшие намерение страны проводить независимый курс в международных делах – всё это свидетельства изменяющегося мира. Мир так и не оправился до конца от глобального финансового и экономического кризиса. Новая повестка дня, альтернативная той, что завела всех нас в тупик

* Доклад, представленный на Московском экономическом форуме.

финансиализации и деиндустриализации, деградации «государства всеобщего благосостояния» и обострения проблем неравенства, так и не сформирована.

И все же выход из тупика, в который мы все забрели, есть.

1. Альтернативная повестка дня: Новый международный консенсус

Мы не претендуем на «истину в последней инстанции», но твердо знаем, что на Западе и Востоке ныне возникают новые проекты, имеющие глубокие историко-культурные, теоретические и практические основания. Активную роль здесь играют и российские проекты, которые формируются в диалоге с учеными Запада и Востока, с нашим прошлым и с историей мировых цивилизаций.

Это широкий взгляд на мир, и он традиционен для России, где привыкли мыслить глобально. Мыслить с учетом достижений наших партнеров по диалогу и не впадать в соблазн самодостаточности, хотя и в нашем Отечестве хватает мракобесов, проповедующих изоляционизм вместо суверенитета, превосходство русского мира вместо диалога культур, власть Государя, а не граждан.

Новая повестка дня исходит из понимания того, что нынешняя экономика – это далеко не идеальная модель социально регулируемого, демократически организованного рынка. Мы живем в мире глобального капитала, пронизанного глубокими противоречиями и обретающего новый тренд – формирования ряда протоимперий, причем не только в Центре, но и на периферии. Более того, «восстание периферий» все более становится реальностью. Претензии истеблишмента ряда стран НАТО на контроль над миром, казалось бы обретенный ими после распада мировой системы социализма, создают все более напряженную обстановку в мире, приводящую к непрерывной череде войн, причем не только в странах Азии и Африки, но и в Европе (совсем недавно – в Югославии, сейчас – на Украине).

Консерваторы видят альтернативу этой напряженности исключительно в укреплении национальных позиций, прежде всего – в военно-промышленной сфере. Споры нет: суверенитет надо защищать. Но если наша страна не хочет стать объектом ненависти не просто «элит» иных стран, а большинства народов мира, нам надо решительно отказаться от идей Александра III, заявлявшего в позапрошлом веке, что у России нет других друзей, кроме армии и флота. Это не правда. Мы все хорошо знаем, что у нашей страны были и остаются миллиарды друзей по всему миру. Эти друзья когда-то учились в наших университетах, и вместе с нами считали кумиром не очередную поп-звезду, а Гагарина. И сегодня они хотят равноправного и активного диалога с нашей страной, ее наукой, образованием, культурой. Причем

не только в Азии, но и в Европе. Дружба народов может снова стать лозунгом реальной геополитики. Подчеркнем – реальных проектов, а не прекрасноречивых мечтаний.

Мы не утописты. И понимаем, что этот курс вряд ли будут приветствовать корпоративный капитал Запада и деятели близкого к нему правого крыла истеблишмента США и ЕС. Но он, несомненно, окажется приемлемым для стремящегося к диалогу договороспособного крыла гражданского общества и социалистического крыла политических сил. Им мы должны предложить новый, близкий по своим основным параметрам, хотя во многом и несовпадающий, новый курс.

Страны БРИКС и, в частности, Россия, могут стать инициаторами внесения в мировую повестку дня таких фундаментальных принципов как:

- критичное отношение к выработанным в своем (русском, европейском, исламском) мире институтам и ценностям;
- договороспособность; ориентация на диалог всех участников мирового процесса;
- отказ от «двойных стандартов» в экономике и политике;
- формирование альтернативы «Вашингтонскому консенсусу» на основе принципов обновленного демократического социально- и экологически-ориентированного мирового проекта (о его реперных точках – ниже).

И если российская власть сегодня не может или не хочет предлагать мировому сообществу новую повестку дня, то ответственность за нарастание конфронтации ложится и на нее.

2. По ту сторону противостояния консерваторов и либералов: Необходима новая повестка дня

Предлагаемая нами повестка дня – курс, который центристы, возможно, сочтут чрезмерно левым, а радикально-левые – излишне реформистским.

Но правые и центр должны понять: миру нужна новая – ориентированная на социальные, гуманитарные, экологические ценности – повестка дня. Напомним: середина XX в., показав тупики империализма и безбрежного либерализма, вызвала к жизни переход в странах «центра» к модели «государства всеобщего благосостояния», а в странах периферии преодоление политических форм колониализма. Послевоенные годы стали периодом существенных реформ. То, что сегодня принято считать нормой во многих странах Европы (перераспределение государством до 1/2 валового национального продукта в пользу интересов общества в целом, налогообложение наиболее богатых групп населения на уровне 50%, бесплатность подавляющей части образования и медицины и многое другое), в начале XX в. казалось радикальным левачеством. Так и ныне выход из тупика «рыночного фундаментализма»

требует существенных реформ, идущих в сторону бóльшей социализации экономики и расширения политических прав «рядовых» граждан.

Радикально левым также следует помнить заветы своих классиков: программа-минимум коммунистов совпадает со стратегией социал-демократов, а демократические социально-ориентированные реформы не мешают, но помогают идти вперед по дороге к «царству свободы».

Что же до демократических левых, то при всем многообразии наших позиций нам надо извлечь уроки из прошлого: попытка сидеть на двух стульях, ничего не меняя, ведет к стагнации социал-демократии, а застою, как показал опыт СССР, при всей его кажущейся стабильности, – это дорога в пропасть. Наш символ – велосипед, интегрирующий индивидуальную свободу передвижения социальным равенством – устойчив только в движении.

Мы прекрасно отдаем себе отчет, что в 1970-е годы социал-демократия оказалась перед лицом вызовов, на которые она не смогла дать достойный ответ; почти повсеместно она уступила пальму первенства неолиберальной политике. Тем важнее демократическим левым извлечь уроки из проблем прошлого и пойти по обновленному пути, не повторяя ошибок середины прошлого века и не переходя на позиции правого центра, сохраняя лишь видимость «левого дискурса». Более того, в погоне за идеалом индивидуализма при всё большем забвении ценностей коллективизма и солидарности, многие экс-левые Запада стали уступать пространство борьбы за социальную справедливость правым консерваторам.

В России эта ситуация обретает гротесковую окраску.

С одной стороны, в нашей стране наиболее последовательно ценности социальной справедливости и защиты прав беднейших и средних слоев населения чем дальше, тем больше выносятся на щит не просто консервативные, но в ряде случаев великодержавно ориентированные лидеры, общественные деятели и интеллектуалы, доходящие подчас до проповеди средневекового мракобесия.

С другой стороны, сторонники демократических прав и свобод, «забывая» о важности защиты не только гражданских, но и социально-экономических прав большинства граждан, толкают это большинство в объятия консерваторов, дискредитируя демократические, гуманистические ценности.

Власть предрежащие, пользуясь этим противостоянием, осуществляют своего рода «негативную конвергенцию» консерватизма и либерализма, беря все худшее и от тех, и от других. От либералов они берут не гуманистические ценности, а ориентацию на принципы «рыночного фундаментализма», скрывающие реальную гегемонию олигархов и бюрократии. От консерваторов они берут не ориентацию на социальную справедливость, а ограничение гражданских прав и свобод.

Мы можем и должны противопоставить этому не только позитивный синтез здоровых сторон программ консерваторов и либералов, но и принципиальное обновление демократической левой альтернативы середины прошлого века.

Авторы этого текста не предлагают однозначных готовых решений, но берут на себя ответственность сформулировать те принципы, которые «носятся в воздухе» и все чаще, так или иначе, выдвигаются прогрессивным интеллектуальным сообществом и в России, и в мире.

Адепты рыночного фундаментализма десятки лет твердят миру, что любая альтернатива частной собственности и свободному рынку – это шариковщина и ГУЛАГ.

Но факты говорят о другом. Мировой экономический кризис и наша неспособность после 25 лет рыночных реформ сколько-нибудь заметно превзойти уровень производства 1990 г. – уровень «неэффективной и находящейся в кризисе» экономики Советской России – показали, что альтернативы рыночному фундаментализму должны быть, и они действительно есть.

Повторим: установка на демонизацию государственной активности в хозяйственной жизни возникла неслучайно. Предлогом для этого стала стагфляция 1970-х, когда большие социальные расходы осуществлялись во многом за счет инфляционного финансирования и долгов.

Ответом стала неolibеральная эпоха, когда сверхбогатые наконец-то получили возможность платить меньше налогов и, что называется, «пожить для себя». Как говорила Маргарет Тэтчер: «Да здравствует право на неравенство». Этот процесс не случайно совпал с кризисом советской системы и общим ослаблением профсоюзов и левых партий. В результате это право стало восстанавливаться в традициях раннего капитализма брутального типа, почти изжитого во второй половине прошлого века. Под лозунгами «Назад к Смитту» и «Пороки каждого – благосостояние для всех» начался стремительный процесс демонтажа социального государства. Продолжавшийся вплоть до кризиса 2008–2009 гг. экономический рост на Западе делал этот процесс как бы незаметным. Когда доходы растут у всех, не так уж важно, что у некоторых они растут особенно быстро. Но положение резко меняется, когда реальные доходы большинства перестают расти или даже снижаются, а «избранные» продолжают обогащаться. Именно так выглядит наш мир сегодня. И именно поэтому в нем обостряются социальные конфликты.

Сегодня во весь рост встает вопрос: как уйти от брутальности рыночного фундаментализма, не возвращаясь к бюрократическому централизму и не повторяя ошибок социал-демократов середины XX в.?

Иными словами, не пришло ли время новых проектов?

Такие новые решения, создающие социальные, экономические и политические институты, социал-демократии уже приходилось принимать и потом

долго и жестко бороться за их последовательную реализацию. И сегодня мы не мыслим мир без сделанных когда-то смелых шагов, за совершение которых пришлось заплатить немалую цену. Как уже отмечалось выше, сейчас снова настало время ставить задачи хотя бы столь же масштабных изменений, как восьмичасовой рабочий день по сравнению с 12-часовым рабочим днем 100 лет назад. Иначе мы никогда не найдем нового решения, и кризис левого проекта будет продолжаться.

Традиционная постановка вопроса социал-демократией известна: надо создать условия, в которых рынок сделает так, чтобы большинство людей могло зарабатывать, а социальное государство – поддерживать то меньшинство, которое не может зарабатывать, и чтобы при этом как можно меньше людей нуждалось в социальной поддержке. Однако рынок как господствующий механизм производства сам по себе всегда порождает, порождает и будет порождать социальную дифференциацию. Следовательно, он будет порождать бедность. Другого рынка не бывает. А если бывает, то только тогда, когда в рамках социал-демократической модели у богатых «отнимают» часть их дохода и отдают ее бедным. Иначе не получится. Поэтому мы предлагаем другую постановку вопроса.

Парадокс при этом состоит в том, что поиск новой модели почти все ищут исключительно по принципу нового сочетания уже существующих черт, уже существующих моделей. Немного больше либерализма и меньше социальности или наоборот. Иными словами, идет поиск изменения количественных пропорций перераспределения созданного богатства, но сам принцип: «создает богатство рынок, а социальность может его только перераспределять, в большей или меньшей степени подрывая рыночные стимулы», – остается неизменным. Может быть, надо поставить вопрос иначе: а не пора ли искать новое качество, новые принципы соединения рынка и капитала – на одном полюсе, социальной справедливости – на другом, уходя от старой дилеммы «больше справедливости – меньше эффективности, больше эффективности – меньше справедливости», формируя систему, в которой справедливость будет стимулом, а не тормозом роста, причем не просто эффективно-сти, а инноваций, обеспечивающих человеческое развитие?

3. Альтернативная повестка дня: Десять шагов к синтезу свободы, справедливости и солидарности во имя развития

Проблема превращения социальной справедливости в стимул инновационного развития и выхода за рамки дилеммы «рынок создает, государство – перераспределяет» на самом деле не нова и уже имеет определенные и теоретические, и практические решения. Суммируя уже известные решения

и предлагая некоторое их развитие, сформулируем десять параметров / принципов, которые отличают эко-социо-гуманитарно ориентированное развитие.

Они не являются абсолютно новыми, содержат многое из практически реализуемых механизмов, однако в них мы постарались суммировать и те новые тенденции в теории и практике социальной ориентации развития, которые накопились к настоящему времени.

Первый принцип – количественный. Примерно половина или больше валового продукта страны должна создаваться и перераспределяться, исходя из социальных, а не рыночных критериев. Подчеркнем: не просто перераспределяться государством, а создаваться и перераспределяться любыми субъектами, но по нерыночным, социальным «правилам игры» и критериям.

Второй принцип. Главным субъектом социального регулирования должно становиться гражданское общество, постепенно беря на себя все больше функций государства и тем самым снимая ставшие в последние десятилетия особо заметными провалы последнего.

Соответственно, доля расходов в бюджете на социальные нужды должна быть существенно выше, чем в либеральных системах, а доля расходов на содержание госаппарата и силовых структур существенно ниже. И это вопрос именно доли. Последнее особенно важно для России, потому что у нас не просто малы расходы на социальные нужды, у нас их доля намного ниже, чем в США, не говоря уже о Европе.

Здесь присутствует некоторая важная тенденция, если не закономерность: чем выше степень социализации государства, чем активнее его социально регулирующая деятельность, тем меньше число государственных чиновников (мы имеем в виду аппарат управления и насилия, вынося за скобки такие категории государственных служащих, как учителя, врачи, социальные работники и т.п.) и тем меньше расходы на их содержание (на душу населения, естественно), а также ниже уровень коррупции. Хорошо известна международная статистика, показывающая, что, например, количество чиновников на душу населения в России больше, чем в США, а в США больше, чем в Скандинавских странах, что по уровню коррупции США опережают эти страны (государства с этой экономической моделью имеют один из самых низких в мире рейтингов по коррупции), а Россия – США. И наоборот: мера социальности государства (о ней можно судить хотя бы по доле социальных расходов в госбюджете) в России ниже, чем в США, а в США ниже, чем в Скандинавии.

Эта тенденция не случайна: снижение меры социальной справедливости и стабильности существенно повышает число лиц, для которых характерно асоциальное, оппортунистическое поведение. Это касается и особо бедных (стремящихся к нелегитимному перераспределению богатства, вплоть до криминала), и особо богатых, чье сравнимое с государственным состояние

стимулирует их к использованию нелегитимных методов поведения (от коррупции до корпоративного насилия и лоббирования). Ну а далее все просто: и из практики, и из экономической теории хорошо известно, что рост оппортунистического поведения резко повышает трансакционные издержки по спецификации и защите прав собственности и контрактов, а это снижает эффективность бизнеса и повышает расходы государства на содержание правоохранительных и силовых структур. Причем эта связь действует и на национальном, и на международном уровнях. В упрощенном виде ее можно выразить так: не хотите тратить средства на социальное развитие и решение глобальных проблем – будете тратить деньги на полицию и армию, страдая при этом от криминала, коррупции и угроз международной безопасности.

Итак, существует некая закономерность: чем выше социализация развития, тем меньше бюрократизация и коррупция. Почему? Да потому, что, скажем, в Скандинавских странах значительную часть социально-регулирующих функций осуществляет не государство, а институты гражданского общества. Именно они производят перераспределение ВВП через государственный бюджет при помощи очень ограниченного круга специалистов.

Третий принцип – последовательная ориентация на поддержку активно работающих и повышающих свой уровень квалификации для того, чтобы еще успешнее работать, а также тех, кто уже или еще не может работать, при полном недопущении использования государственных ресурсов для обогащения частных лиц.

Особо важен в данном случае вопрос о наличии прогрессивного подоходного налога. Этот атрибут социальной ориентации и социального государства в политическом истеблишменте России (за исключением представителей левых партий) принято игнорировать. Между тем прогрессивный подоходный налог – это аксиома цивилизованного общежития современного социума.

К тому же прогрессивный подоходный налог на богатый «верхний слой» – это налог, который мало затронет интересы предпринимателя-творца, новатора. Он вызовет полное неприятие не того, кто творчески работает, а рантье и тех, кто ставит личное преуспевание выше интересов дела.

Еще одно возражение касается того, что высокий налог предприниматели не будут платить. На наш взгляд, здесь проблема не в величине налога, а в социальной атмосфере в стране. Хорошо известно, что, например, российские олигархи или просто крупные бизнесмены, которые не хотят платить полностью 13%-ный налог в России, с радостью уезжают в Европу, где берутся за право стать там гражданами и платить 40–50%-ные налоги.

Четвертый принцип – использование социальной поддержки для решения задач, которые не может решить рыночно-капиталистическая система, а именно – экономическое обеспечение каждому гарантированного доступа

к получению базовых жизненных благ: здоровья, образования, жилья, культурных услуг и минимального дохода. В условиях социально ориентированного развития дифференциация доходов не только ограничивается в своих масштабах, но и начинается с уровня выше прожиточного минимума и не может приводить к ущемлению базовых социальных и экономических прав личности.

Нам всегда говорят, что социальное государство – это большой слой пенсионеров, безработных и т.п., которых содержит государство за счет тех, кто трудится. В этом возражении есть толика истины. Но только толика. Новая модель социально ориентированного развития может изменить эту ситуацию.

Во-первых, потому, что источником этих выплат будет не столько заработная плата работников, сколько часть прибыли корпораций и сверхвысоких доходов богатых граждан.

Во-вторых, те, кто получает социальные выплаты, могут и должны добровольно (если они трудоспособны) работать на общество, проходя в случае необходимости повышение квалификации. Для этого, опять же, можно использовать временно незанятых работников.

Социально и идейно-нравственная мотивация со стороны государства и гражданского общества вполне может подвинуть значительную часть пенсионеров и неработающей молодежи к бесплатному выполнению многих важнейших функций по рекреации природы и общества, развитию культурных и образовательных процессов (например, перевод в электронную форму информации с книжных носителей, добровольная помощь в медицинских и образовательных учреждениях, библиотеках и музеях, парках и заповедниках, природоохранной деятельности, охране общественного порядка и т.д.). Инициирование и организацию этой массовой бесплатной деятельности молодежи и старшего поколения могут взять на себя государство и институты гражданского общества, что существенно уменьшит нагрузку на государственный бюджет, не снижая объема социальной деятельности.

Иными словами, мы предлагаем формулу: максимально возможный и все расширяющийся объем деятельности по оказанию социальных, гуманитарных, экологических и т.п. услуг должен осуществляться на основе добровольной бесплатной деятельности, проводимой при помощи институтов гражданского общества. Это позволит либо резко расширять объем оплачиваемых государством услуг (в условиях успешного развития, когда бюджет велик и растет), либо не допускать дефицита государственного бюджета при сохранении прежнего объема социальных услуг (в случаях кризисов и других потрясений).

О последнем, ныне весьма актуальном, случае хотелось бы сказать особо. Если у государства в условиях кризиса денег становится меньше, то необходимо (1) резко снижать несоциальные расходы; (2) в случаях, когда нет

денег на проведение в прежнем объеме работ в социальной сфере, можно и должно инициировать осуществление этой деятельности бесплатно, но не снижать объем социальных услуг и (3) в этих условиях можно и должно увеличивать нагрузку на личные доходы (не инвестиции!!!) богатейших слоев населения.

В-третьих, есть альтернатива проблеме паразитизма, возникающего при значительных пособиях по безработице. Такой альтернативой является модель программируемой переквалификации работников.

Существенно, что создание новых рабочих мест совершенно обязательно должно осуществляться при помощи частного бизнеса или создания для него особых льгот (например, снижения налогов на малый и средний бизнес, представления ему льготных кредитов и т.п.). В условиях наличия долгосрочных программ переквалификации и «социальных лифтов» государство может само, при помощи институтов гражданского общества, но без обращения к частному бизнесу, создавать в соответствии со своими средние и долгосрочными программами новые рабочие места в наиболее передовых сферах новой экономики. Оно может расширять деятельность существующих или создавать новые университеты и другие образовательные центры, инициировать деятельность кооперативов, некоммерческих исследовательских организаций и массы других структур, создающих наиболее современные формы общественного богатства (знания, информацию, социально- и экологически чистые пространства), обеспечивая занятость и принося доход гражданам и государству, но не порождая проблем, связанных с отчуждением труда от капитала и не производя паразитические доходы частных собственников.

Наконец, названный выше принцип предполагает, что общественно-государственные ресурсы не могут использоваться для обогащения частных лиц или компенсации их потерь от неудачной игры на рынке. Речь в данном случае идет не о коррупции и других нелегитимных каналах, а о легитимном перераспределении. Социальное государство никогда не должно поддерживать собственника, проигравшего (разорившегося) в результате его рыночной активности. Оно может и должно решать исключительно проблемы работников и социальной безопасности (в случае коллапса социально значимых фирм), в том числе за счет накоплений бывших собственников, не сумевших вести эффективный бизнес и потому несущих за это экономическую ответственность. В частности, этот принцип накладывает вето на поддержку частных финансовых институтов, оказавшихся в долгах в результате финансового кризиса. Здесь социальное развитие предполагает жесткие меры: частные институты и лица, проигравшие в «казино-капитализме», не могут получать поддержку за счет налогоплательщиков. Эти лица должны разоряться и нести уголовную ответственность в случае неспособности погасить долги, а под-

держание занятости, производства, трудовых доходов физических лиц может и должно осуществляться при помощи государственных финансовых институтов. Если такие шаги не предусмотрены законодательно, социально-ответственные политические силы должны инициировать соответствующее изменение законодательства.

Пятый принцип – развернутая система социальных, экологических и гуманитарных нормативов. Он хорошо известен, но об этом следует еще раз напомнить, ибо в условиях неолиберального реванша многие из них подвергаются ревизии или фактически нарушаются, особенно в странах типа России.

Шестой принцип – обязательное развитие социально ответственного бизнеса и социального партнерства.

Что касается первого, то мы предлагаем расширительную трактовку этого института. Социальная ответственность бизнеса состоит не только в том, чтобы не сокращать искусственно рабочие места, соблюдать условия коллективного договора и неукоснительно платить налоги – все это не более чем соблюдение правил рынка. В расширительной трактовке социальная ответственность бизнеса состоит в принятии на себя некоторых, в принципе не свойственных капиталу, обязательств по отношению к работникам, государству и обществу, а также в самоограничении своих специфически капиталистических экономических интересов и, следовательно, доходов. В частности, речь может идти о (1) развитой системе социального партнерства, вплоть до участия работников в контроле и управлении; (2) прозрачности управленческой и экономической деятельности, вплоть до информации о всех видах доходов и благ, получаемых менеджментом, вплоть до членов Совета директоров; (3) ограничении уровня дифференциации доходов работников корпорации (от рабочего до президента) – не более 10–15 раз; (4) сознательно реализуемой долгосрочной стратегии направления прибыли сверх нормативной (скажем, средней по отрасли) на решение социальных, культурных, экологических и т.п. проблем региона, страны и (в случае ТНК) мира.

Седьмой принцип – приоритет национального и международного гражданского общества по отношению к профессиональным политическим структурам и капиталистическим корпорациям.

Один из важнейших аспектов этой проблемы – максимально возможное элиминирование влияния капитала и, в частности, денег на политику при неуклонном повышении политической роли социальных движений и неправительственных организаций и сокращении роли собственно государственных структур и профессиональных политиков. Здесь ключевой проблемой является последовательное сокращение влияния на политический процесс таких феноменов, как политическое и идеологическое манипулирование, шире – политическое производство. Не секрет, что в его основе лежат так называе-

мые политические технологии, суть которых состоит в производстве некоего особого товара (голосов, отданных за ту или иную партию, кандидата) из некоего сырья (электората) при помощи задействования значительных капиталов, корпоративных структур (массмедийных, но не только) и профессионалов-политтехнологов. Все это механизмы, подрывающие демократию, краеугольным камнем которой является процесс суверенного волеизъявления индивида как полноправного политического субъекта. Превращение его в пассивный объект манипулирования и вытеснение демократического соперничества конкуренцией политических корпоративно-капиталистических структур есть подрыв основ гражданских прав человека. Вот почему политическое обеспечение социально ориентированного развития предполагает как минимум последовательное вытеснение политического капиталистического производства и развитие «демократии корней травы», самоорганизации граждан и самоуправления. Приоритет последних может и должен стать обязательной политической предпосылкой социально ориентированного развития.

Восьмой принцип, о котором в последнее время особенно много говорят на Западе (но, к сожалению, не в России), – жесткие экологические стандарты.

Девятый принцип – общественно-государственная система образования, переквалификации, здравоохранения, сфер культуры и спорта, которая обеспечивает их общедоступность. Об образовании надо сказать отдельно. Во-первых, с социальной точки зрения образование – это не особый сегмент рынка, создающий товар особого рода, а общественный инвариант, общественное благо (наподобие воздуха или солнечной энергии), обеспечивающее воспроизводство социума. И как таковое оно должно обеспечивать формирование нравственно ответственной личности, без чего социум не может успешно развиваться. И в этом смысле общедоступное образование есть социально-нравственный императив. Во-вторых, образование – это еще и та сфера, которая в условиях экономики, основанной на знаниях, не расходует общественные средства, а создает главный ресурс постиндустриального развития – креативные качества работника. И в этом смысле государственное финансирование бесплатного массового качественного образования есть экономически эффективная долгосрочная социальная инвестиция.

И наконец, *десятый принцип* – приоритет подлинной культуры – культуры, обеспечивающей гармоничное развитие личности, культуры как сотворчества, а не сферы, выполняющей роль своеобразного духовного наркотика.

* * *

В заключение еще раз вернемся к дилемме опережающего, инновационного развития и социальной справедливости.

Выше была предложена новая формулировка старой дилеммы рыночной эффективности и социальной справедливости. Задача экономики сегодня – это не только максимизация прибыли. Последнее – одно из возможных и не всегда эффективных средств обеспечения современного типа развития. Эффективность в узком смысле слова, т.е. понимаемая как чисто рыночная эффективность, сегодня утрачивает ранее доминирующее значение. Если высокая прибыль достигается за счет грязного производства на основе ручного труда, то для страны такая эффективность вредна. Это вредный, хотя и эффективный с рыночной точки зрения путь развития.

Если же мы ставим вопрос о соотношении инновационного развития, обеспечивающего максимальное развитие человеческих качеств и социальной справедливости, понимаемой не как уравниловка, а как гарантия удовлетворения жизненных потребностей каждому при равных стартовых условиях и распределение благ свыше гарантированного минимума на основе социального эффекта от его деятельности, то мы получаем существенно иную картину.

Именно такая социальная справедливость есть самый эффективный путь формирования высококачественной, креативной рабочей силы, которая единственно способна обеспечивать прорывное технологическое развитие, создавать новые экономические, социальные и политические институты, преодолевающие провалы рынка и государства, формировать систему образования, нацеленную на развитие креативности, а не только функционального профессионализма.

То, что это прогрессивно с социально-гуманитарной точки зрения, очевидно. Существенно, однако, и то, что и чисто рыночный эффект в этом случае максимально высок.

Дорогая, высококвалифицированная и, главное, креативная рабочая сила притягательна для инвестиций. В инновационной экономике капитал стремится туда, где есть креативный работник. Для того чтобы создавать и внедрять, скажем, нанотехнологии, нужен человек, который долго живет, рано выходит на пенсию, имеет 25-летнее образование, постоянно повышает квалификацию и социально стабилен. А для того, чтобы был создан массовый слой таких работников, необходимо общедоступное высшее образование. Иными словами, социально справедливое развитие даже с прагматической точки зрения выгодно инновационной экономике. Неслучайно Финляндия – страна с хорошо развитой социальной системой – находится на первом месте в мире по инновационному развитию.

Наконец, исключительно важно иметь в виду, что большое заблуждение – думать, что социально ориентированное развитие могут позволить себе только богатые страны. Доля расходов на социальные нужды в сравнении с долей расходов на содержание аппарата власти и насилия, мера социальной дифференциации, наличие или отсутствие программируемого развития – все это показатели, во многом инвариантные по отношению к уровню развития страны. Стратегия социально ориентированного развития для разных типов экономик и обществ будет иметь разные формы реализации. Но если руководство страны с относительно небогатым населением использует факт бедности для оправдания недофинансирования образования, науки, здравоохранения и культуры, то это просто означает, что оно уклоняется от ответственности за здоровое цивилизованное будущее собственного социума.